

Сапарин Виктор Степанович

**ГОЛОС МОРЯ Научно-
фантастические повести**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-312.9
ББК 84-445
С19

С19 **Сапарин Виктор Степанович**
ГОЛОС МОРЯ Научно-фантастические повести / Сапарин Виктор Степанович –
М.: Книга по Требованию, 2012. – 131 с.

ISBN 978-5-458-04133-1

ISBN 978-5-458-04133-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

ГОЛОС МОРЯ
Научно-фантастические
повести

В.Сапарин

ГОЛОС МОРЯ

Флаг на мачте повис, точно изнемогая от зноя. Был полный штиль.

Галька так накалилась, что те, кто не догадался захватить мохнатую простыню, устраивались на низких деревянных лежаках, своей решетчатой поверхностью напоминающих детские санки. Некоторые отдыхающие забрались под навес, и там, в густой тени, такой плотной и синей, что она издали казалась осязаемой, принимали воздушные ванны.

С Петром Ивановичем Смородиновым, ленинградским профессором физики, моим соседом по комнате в санатории, мы расположились у самой воды. Здесь галька сменялась узкой полоской мягкого, намытого морем песка, и было чудесно лежать и болтать о том, о сем, лениво шевеля ногой в теплой соленой воде.

Подальше, за пляжем, на морском берегу виднелось несколько человек. Они склонились над серыми рулонами, похожими на огромные скатанные ковры. Это рыбаки готовили к наступающему сезону свои "рогожи".

Когда один из рыбаков проходил мимо низкой ограды, окружавшей пляж, я окликнул его:

- Ну, как, собираетесь на ловлю?

Мне давно хотелось принять участие в этой удивительной ловле, хотя бы в качестве зрителя.

Из всех способов добычи рыбы лов кефали с помощью рогожи - вероятно, самый фантастический. "Рогожу" - мат из тростника - расстилают, как плавучий ковер, на воде. Плывущая кефаль принимает тень от рогожи за подводное препятствие: стремясь перепрыгнуть через него, она выскакивает из воды и оказывается на тростниковом плоту. Рыбакам остается только подбирать эту чересчур впечатлительную рыбку.

- Какая нынче ловля, - сказал рыбак. Это был высокий и худощавый человек, чуть сутулый, со спокойным взглядом карих глаз. - Надо ждать непогоды...

Я невольно посмотрел в сторону моря, но не увидел ничего, кроме безбрежной водной глади и безоблачного голубого неба.

- Не видите? - усмехнулся рыбак.

Я вглядывался в горизонт, ожидая увидеть легкое облачко, о котором читал столько раз в книгах и по которому опытные капитаны - герои морских романов и рассказов - всегда так уверенно и заблаговременно предсказывали шторм. Облачко обычно быстро вырастало в тучу, а туча закрывала все небо и так далее. Но на ясном небе ничего не было.

- Не вижу, - признался я.

- Не сюда смотрите, - сказал рыбак. - В воду нужно глядеть.

- В воду?

- В воду.

Но вода была такой, какой она всегда бывает на Черном море, то есть не поддающейся описанию в своих оттенках, уловимых только глазом художника.

- Медуз-то нет! - воскликнул рыбак. - Неужели не замечаете?

Действительно, сколько ни вглядывался я в прозрачную зеленоватую воду, не мог обнаружить ни одного из этих существ, так удивительно похожих на старинные ламповые абажуры. Эти странные животные, только что во множестве

плававшие в теплой воде у берега, раскрыв свои зонтики, куда-то вдруг исчезли.

- Вглубь ушли, - пояснил рыбак. - Чтобы их во время бури волнами не выбросило на берег. Уж они-то знают, что непогода будет.

- Откуда же они знают? - ворчливо произнес Смородинов, молчавший во время всего разговора.

- А это уж люди науки должны доискаться, - ответил наш собеседник. - Это ваше дело. А только наша рыбацкая примета - верная. Еще деды наши ее знали, хотя, конечно, люди были темные и неграмотные, не то что теперь.

Рыбак кивнул нам и пошел дальше.

- Гм... - фыркнул Петр Иванович, с кряхтением поднимаясь на ноги.

Небольшого роста, щуплый на вид, в трусиках, с золотыми очками на вздернутом носу, с седой, торчащей клинышком бородкой, он был похож на доброго гнома из детской сказки. Вместе с тем было в нем что-то серьезное, более того - глубокомысленное, заставляющее забывать, что видишь его на пляже, а не в лаборатории.

По всему виду Петра Ивановича я чувствовал, что он чем-то очень недоволен.

- Деды... Приметы... - проворчал он.

Меня удивила проницательность рыбака, угадавшего в нас людей, причастных к науке. Впрочем, в санатории часто отдыхали ученые, и он мог просто высказать свою догадку.

Профессор Смородинов подошел к берегу и презрительно, как мне показалось, посмотрел в воду. Я присоединился к нему. В воде не было ни одной медузы! Точно по какой-то команде, они ушли в глубь моря, как и уверял нас только что рыбак.

- Те-е-екс... - протянул Смородинов. - Изволили убыть!

- Ну, вот что, - добавил он вдруг, - позагорали, и хватит. Долго лежать вредно. Пойдем на метеостанцию.

За короткое знакомство с Петром Ивановичем я успел уже привыкнуть к резким переменам его настроения. А неожиданные предложения, которые он часто вносил, нарушая установленный распорядок санаторной жизни, мне даже нравились.

Надев пижамы, мы зашагали к метеостанции, которая находилась на пути к санаторию. Это была крохотная станция, обслуживающая колхозы прилегающей к морю долины. Размещалась она в маленьком домике с выбеленными стенами - таком же, как и все дома в этой местности.

- Ну, - сказал Петр Иванович, критически оглядев скромное оборудование станции, находившееся, впрочем, в образцовом состоянии. - Что слышно? Как ваш буреметр? Падает?

Светловолосый молодой человек в шелковой рубашке-безрукавке и легких брюках подошел к барометру-анероиду, постучал ногтем по стеклу и сообщил:

- На одной точке. С самого утра.

- А известно ли вам, - спросил Петр Иванович, в упор рассматривая молодого метеоролога, - что приближается шторм?

- Шторм? - забеспокоился метеоролог. - Штормового предупреждения мы не получали.

- Предупреждения? - удивился в свою очередь Петр Иванович. - А я - то думал, что это вы предупреждаете других.

- И мы предупреждаем, и нас предупреждают, - ответил молодой человек. - Кто успеет первый.

- Гм... Кто же вас предупреждает?

- Областное управление. У них ведь район наблюдений больше, чем у нас. А случается, что область получает сигналы и от других областей.

С лица молодого человека не сходило выражение озабоченности, но отвечал он твердо.

- Стало быть, - вмешался я в разговор, - шторма не будет?

Молодой метеоролог взглянул на меня, усмехнулся и, сдвинув белесые, выгоревшие на солнце брови, спросил:

- Почему вы так думаете?

- Раз нет сигналов... - начал, было, я.

Но метеоролог перебил меня.

- Это еще ничего не значит, - сказал он жестким голосом и сурово морща лоб. - На территории нашей страны погода находится под непрерывным наблюдением. Но ведь не всюду имеются наши метеостанции или станции дружественных нам стран! Некоторые метеорологи по ту сторону моря не прочь "подослать" нам неожиданный шторм. Правда, - в голосе молодого человека послышался оттенок иронии, - правила вежливости обычно соблюдаются: предупреждение пришлют, но с опозданием - когда шторм уже начнется.

- Хорошо еще, - добавил он, - если непогоду "перехватит" в открытом море наш пароход: он оповестит всех по радио. Но само-то судно настигается штормом внезапно, и это плохо. Во внезапности ведь главная опасность всех стихийных явлений природы, будь-то шторм или землетрясение.

- Гм-да-а... - покрутил головой Смородинов. - Вот какие дела.

Он подошел к стене и постучал по стеклу анероида. Стрелка не сдвинулась ни на волос, точно прилипла.

- А вот медузы уверяют, что будет буря!

- Медузы? - удивился метеоролог.

- Да, медузы. Они ушли вглубь моря. Что это значит, по вашему?

- Я - человек сухопутный, - сконфузился юноша. - Откровенно говоря, совсем недавно на море.

- Так вот есть такая примета. Рыбацкая... Когда медузы уходят от берега, жди непогоды.

- Кто это вам сказал?

Мы описали внешний вид рыбака.

- Терехов, - сказал наш собеседник уверенно. - Бригадир рыбацкого колхоза "Черноморец". Николай Терехов. Лучшая стахановская бригада на всем берегу. Этот не станет зря говорить.

Он задумался. Затем присел к столу, включил стоявшую на нем небольшую радиацию и, надев наушники, застучал ключом.

- Область предупреждаете? - спросил я, когда он закончил передачу.

- Предупреждать-то вроде и нет оснований, - ответил он. - Но все-таки передал сигнал внимания. Терехов - человек серьезный...

Я удивился, что приметам вообще придается какое-то значение в метеороло-

гии. Мне казалось, что это противоречит научной постановке дела, которая должна быть присуща этой дисциплине, как и всякой другой науке. Я высказал свои соображения.

- Напрасно вы так думаете, - возразил Никитин, так звали нашего собеседника. - Метеорология не отрицает вообще примет. Ведь во многих приметах зафиксирован вековой опыт народа. Поэтому перечень испытанных примет вы найдете в любом учебнике метеорологии. Странно только, что барометр не подтверждает предсказания Терехова.

Молодой метеоролог еще раз взглянул на анероид и пожал плечами.

- Вот, - сказал он, - есть такая народная примета, - он достал клеенчатую тетрадь и пояснил: - я ведь записываю эти приметы и то, как они подтверждаются. Пригодится, знаете. Тут на море примет, как камней на берегу. Вот, например, такая... "Морская блоха перед штормом уходит из сырых мест в сухие"! Не проверял, правда, ее еще... Ведь, бывает, другой раз и зря говорят... А про медуз от вас впервые слышу. Надо будет записать...

Он взял ручку-самописку и открыл тетрадь на чистой странице.

Делать нам здесь было больше нечего. Мы вышли.

Невольно мы посмотрели на море. Ровная гладь без малейшей морщинки простиралась до горизонта. Глаз утомлялся глядеть на отблески солнца. На чистом небе не было ни одного белого пятнышка. В воздухе не ощущалось ни малейшего ветерка.

- А может быть, вся эта история с медузами - вообще бред? - проворчал Смородинов.

Он сердито фыркнул и решительно зашагал, но не к санаторию, как я ожидал, а снова к морю.

Мы вышли к устью реки. Здесь кончили чинить свои рогожи рыбаки. Когда мы подошли к ним, они привязывали свернутые в рулоны рогожи к кольям, вбитым в землю.

- Чтобы ветром не унесло, - объяснил нам пожилой рыбак с черной бородой.

- А что, разве будет буря? - спросил я с невинным видом.

- Разумеется, - ответил он. - Уже первый сигнал был.

- С метеостанции?

- Нет. У нас свои приметы.

- Медузы? - иронически спросил Смородинов.

- Медузы, - спокойно подтвердил рыбак. - Дело верное. Терехов пошел радиogramму давать.

- Кому?

- Капитану дельфинера "Победа" Безрученко.

- Гм... А почему ему?

- Он просил предупредить, если что. А разве не метеостанция его предупреждает?

- Станция станцией, а это он просил особо. У нас ведь тут бывает: шторм как с горы свалится - сразу, станция не успевает предупредить...

- Ну, а медузы, те, конечно, успевают?

- Медузы успевают, - уверенно сказал рыбак. - Те заранее знают...

- Чорт знает что такое, - пробормотал Смородинов, рассерженно роя палкой в сырой гальке. - Медузам больше веры, чем барометру... А это что такое? -

воскликнул он вдруг. - Вот это...

Я посмотрел на сырую гальку и ничего не увидел.

- Морская блоха, - сказал рыбак хладнокровно.

- Я сам вижу, что морская блоха, - рассердился профессор, - но почему она сидит в сыром месте и не спешит уйти отсюда? Ведь перед штормом она уходит? Есть такая примета?

- Есть, - рыбак с удивлением посмотрел на профессора. - А вы понимаете, я вижу, в наших приметах! Только время-то ведь не -пришло ей, блохе, двигаться...

Но тут же он с уважением в голосе добавил: - Ваша правда: пора! Смотрите - тронулась.

Он указал на гальку, покрывающую пологий берег.

Опять я не увидел ничего там, где опытный глаз рыбака различал что-то важное. Галька была как галька, - такая же, как и по всему побережью: разноцветные камешки, гладко обточенные водой.

- Смотрите, - сказал рыбак, - Удирают!

Тут, наконец, и я увидел, в чем дело: по гальке кое-где двигались какие-то темные точки.

Присмотревшись, можно было заметить, что морские блохи в своих перемещениях держались некоторого общего курса. Они двигались от моря по направлению к траве, покрывавшей берег за полосой прибоя. Некоторые, удалившись на порядочное расстояние от воды, останавливались на высоких местах, где лежали сухие водоросли, другие, не ограничиваясь этим, лезли прямо в траву.

- От шторма улепетывают, - сказал рыбак. - Здесь, у воды, их перемелет галькой, - ведь она начнет перекатываться и тереться, что твои жернова! Вот и думают, как бы подальше от воды уйти.

- Ну, насчет "думают" это, конечно, вздор, - пробормотал Смородинов, становясь на колени и с интересом рассматривая крошечных ракообразных. - Такая тля не обладает способностью соображать. И вот то, что они так дружно удирают, - это интересно. Значит, они каким-то образом чувствуют непогоду.

- Да уж они знают, - подтвердил рыбак. - Это кого хотите спросите.

- Откуда же у них такие сведения? - спросил Петр Иванович. - Ведь барометр даже не думал падать. Что же у них, у блох, своя метеослужба, что ли?

Рыбак пожал плечами.

- Этого уже я на могу сказать. Для этого ученые люди есть.

Профессор встал на ноги. Он держал на ладони маленькое ракообразное и смотрел на него с выражением недоумения и в то же время некоторого невольного уважения.

- Позвольте, - воскликнул он немного погодя, - но ведь медузы раньше принимали свои меры безопасности! А блоха только сейчас тронулась в путь...

- Медузы, и правда, раньше узнают о шторме, - засмеялся рыбак, - а блоха уже потом. Медуза, она хитрее; У нас так и считается: медуза ушла вглубь - первый сигнал, морские блохи полезли на берег - второй. Ну, а там, дальше, жди уже самого шторма.

- Что же у них - разные метеослужбы или разная система оповещения? - сказал задумчиво Петр Иванович, выпуская своего пленника на свободу и выгирая руку о штаны пижамы - этот рассеянный жест подчеркивал, что профессор серьезно углубился в какие-то мысли.

- Впрочем, - воскликнул он через минуту, - ведь шторма-то нет! А может быть и не будет вовсе!

- Как не будет! - возразил рыбак. - А это что такое?

И он показал в сторону пляжа. На мачте, стоявшей на берегу возле навеса, поднимали рывками штормовой флаг. На лодке, плававшей вдоль берега, кто-то в матросской полосатой тельняшке кричал в рупор купальщикам, заплывшим слишком далеко. Некоторые пловцы уже начали возвращаться к берегу.

Погода была такая же ясная, как и все утро. Но что-то тревожное чувствовалось в этой картине нарушенного мирного отдыха.

- Так, - сказал я. - Значит, барометр откликнулся наконец! Или предупреждение пришло из области?

- Сейчас узнаем!

Смородинов круто повернулся и направился к санаторию. Я едва поспевал за ним. Проходя мимо метеостанции, мы увидели в дверях белого домика нашего молодого знакомого.

- Пришло сообщение с дельфинера "Отважный", - крикнул он, - а сейчас начал падать и барометр. Сразу на двадцать делений скакнул! Хорошо, что сигнал внимания я раньше передал...

Не успели мы дойти до санатория, как из-за горизонта показались тучи. Они спешили к берегу, словно воздушная армада, совершающая налет. Задул ветер.

Последние купальщики прибежали с пляжа уже под первыми каплями дождя. В воздухе потемнело.

Обедали не на веранде, как обычно, а в столовой, где были закрыты все окна и двери. Но ветер проникал сквозь щели, колыхал портьеры, надувал, как паруса, занавески... Со звоном посыпалось стекло на паркет в дальнем углу. Кто-то плохо закрыл окно, и ветер сорвал раму с крючков. Несколько человек бросилось закрывать окно.

Нашим соседом по столу был добродушный старичок, отличавшийся на редкость терпеливым характером. Он заслужил общее уважение тем, что стойчески переносил досаждавший ему хронический ревматизм.

- Ну, как ваша нога, - спросил я сочувственно, - наверное, дает себя знать?

- Представьте себе, нога - ничего... - ответил он, - к моему удивлению. Но вот в ушах боль чувствовал сегодня утром довольно сильную. И знаете, - обратился он ко всем, - эту боль я ощущаю каждый раз перед штормом. Врачи ничего не могут по этому поводу сказать.

Он развел руками.

Все выразили ему свое соболезнование. А я невольно подумал, что в природе много предвестников шторма, мало или совсем неизвестных науке.

Должно быть нечто в том же роде подумал и Смородинов, потому что он бросил быстрый взгляд на старичка-ревматика, нацарапал что-то черенком вилки на скатерти и нахмурился.

После обеда мы вышли на балкон. Ветер набросился на нас, точно поджидал нашего появления. Торопливо застегивая пиджак на все пуговицы и нагнув голову навстречу буре, я посмотрел в сторону моря. По небу быстро неслись тучи. Вал за валом катился от горизонта, и все море было покрыто пенящимися гребнями. На обезлюдевшем пляже громко шуршала галька.

В санаторном саду с глухим стуком падали на землю яблоки.

Силуэт какого-то судна мелькнул среди волн в сумеречном свете.

Я успел различить вытянутый нос и низкий корпус, нырнувший и провал между гребнями.

Всю ночь завывала буря, крепкое здание санатория по временам вздрагивало и сотрясалось, а крыша гремела, словно кто-то, неистовый и безумный, пытался отодрать ее.

К утру солнце выглянуло из разорванных туч и осветило темно-синее море с белыми барашками. Шторм стихал, но крупные волны еще накатывались на берег.

Купаться было нельзя. Отдыхающие, выбитые из привычной колеи, заполнили читальный зал и билiardную или слонялись по веранде без всякого дела. Петр Иванович предложил устроить экскурсию на научно-исследовательскую станцию, расположенную километрах в пятидесяти от санатория - на берегу моря. Многие согласились.

Подали автобус.

- Не может быть, - сказал мне Смородинов, когда автобус тронулся в путь, - чтобы на этой станции не знали про медуз и блох и про их метеорологические способности. Эта станция как раз изучает ту область природы, где вопросы биологии находятся на стыке с физикой. Не могли там не обратить внимания на эти вещи.

По тону Петра Ивановича чувствовалось, что он уязвлен. Еще бы! Была затронута честь науки...

К моему удивлению, в автобусе оказался и Костя Никитин - молодой метеоролог, с которым мы познакомились накануне. Костя уверял, что ему совсем не хочется спать, хотя он только утром сменился после суточного дежурства на метеостанции. На его лице я прочел жадную любознательность и нетерпение, которые встречаются у людей, одержимых какой-нибудь идеей. Такое выражение бывает у рыболова, спешащего к облюбованному, но еще не испытанному местечку на берегу реки, у коллекционера, вскрывающего посылку с редкой находкой, или у человека, который ожидает решения сильно мучающей его задачи.

Автобус мчался по узкому шоссе с бесконечными подъемами, спусками и поворотами. Вдоль асфальта мелькали грушевые и сливовые деревья; медленно проплывали долины с фруктовыми садами и полями, засаженными табаком, уступая место лесам на горных склонах.

Станция была расположена на самом берегу моря. Это было красивое светлое здание, неподалеку от которого, в густой зелени сада, ютились домики сотрудников. В состав станции, как мы узнали позже, входили гидрографическое судно, баркас для водолазных работ, два катера - целая флотилия. Некоторые лаборатории, расположенные ниже уровня моря, были отделены от него только стенкой из стекла, которая позволяла вести наблюдения за жизнью морских глубин. Другие лаборатории большой трубой соединялись с морем, оно входило в них, как в искусственную лагуну.

В лабораториях и в кабинетах в верхнем этаже здания мы увидели много интересного. Мне запомнился макет дельфина в натуральную величину; это животное, похожее на рыбу, изучалось здесь с точки зрения техники его движения. Оказалось, что дельфин, как это было видно из фотографий, сделанных советскими учеными, двигался благодаря винтообразному изгибанию туловища. У